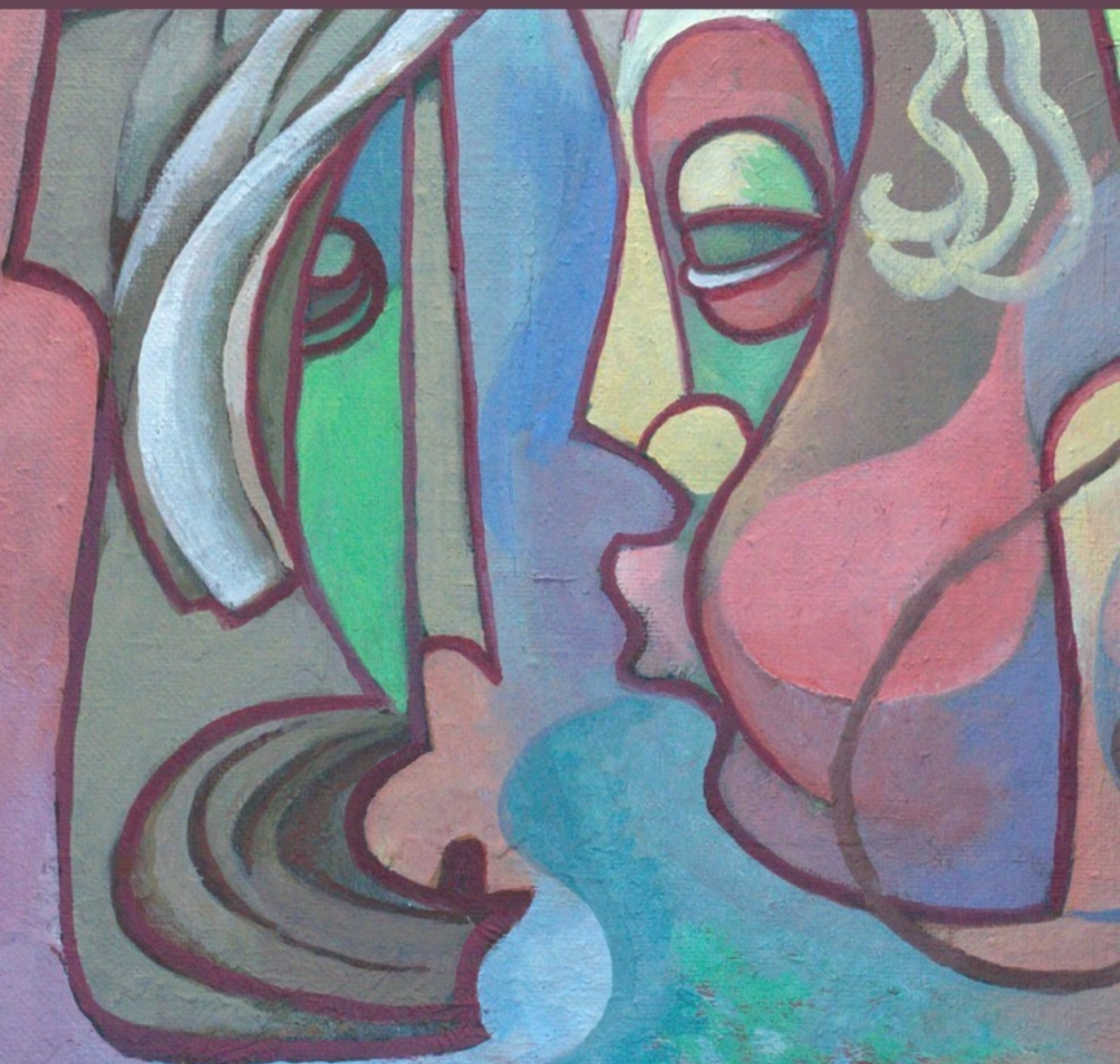

Вячеслав Орлов
*Истории для взрослых
и не очень*

Вячеслав Орлов

Истории для взрослых и не очень

«Издательские решения»

Орлов В.

Истории для взрослых и не очень / В. Орлов — «Издательские решения»,

Читательский опыт я приобрел в шесть лет. Книжки, на обложках которых было написано «роман», «повесть», «рассказы» и уж тем более какая-нибудь «эпопея», тут же нагоняли на меня тоску. Они представлялись мне железной дорогой, которая заканчивается тупиком. Все, приехали. Дальше как-нибудь сам. Другое дело сказки или истории, уж тут-то не задремлешь, только держись и рот не разевай. Вспоминая себя тогдашним, я решил, что моя первая книжка должна состоять из историй для взрослых и не очень.

© Орлов В.

© Издательские решения

Содержание

Катя	6
Тотально-синий в начале позапрошлой недели	13
Левитановский пейзаж	20
Идея красоты	27
Планетка Земля	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Истории для взрослых и не очень

Вячеслав Орлов

© Вячеслав Орлов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Катя

Если легкомысленно полагать, что грозовые тучи и проливной дождь не могут радикально изменить личную жизнь человека, мне с этим невозможно согласиться. Ведь именно проливному дождю я и обязан встрече с Катей.

А за полтора года до этого события я по очень грустной, вернее, скорбной, причине приехал в места моей юности, бывшие прежде предместьем Москвы, чтобы проводить в последний путь моего друга, никогда, в отличие от меня, этих мест не покидавшего. Мы не виделись четверть века, и я его, лежащего в гробу, едва узнал. Он, как видно, удивленный моим появлением, лежал с недоуменным лицом, не старый еще, но какой-то сморщенный.

– Он тяжело болел и умер в муках, – объяснила мне его неприглядность какая-то женщина, выглядевшая чуть получше моего друга. – Да Тоня я, его сестра, не узнал?

Погода была серенькая, теплая и скучная. Конечно, я грустил, да как-то не так. Что-то получалось все не всерьез. Может, потому, что этот человек с недоуменным лицом мало походил на Степку, молодого, шумного моего одноклассника и друга юности. Домой я возвращался измученный, сонный и равнодушный. Никого, кроме Тони (которую, если бы она не назвалась, я бы и не вспомнил), я не узнал и этим оправдывал свою бесчувственность. Но вернемся к началу истории.

Громадная туча пришла с запада, закрыла собой большую часть небесной синевы и собиралась закрыть все небо. Всего этого я не видел, потому что сидел с удочкой под крутым берегом холодной Истры, тупо уставившись в унесенный течением поплавок. О том, что в природе что-то происходит, я догадался по тишине. По-прежнему жарило солнце, но птицы перестали петь, трещать и пищать. Не знаю, что заставило меня оглянуться. Крутой берег за моей спиной был театрально освещен последними лучами пожираемого тучей солнца. На фоне этой черной тучи какая-то девушка в светлом платье, постояв секунду на крутой тропинке, решила аккуратно спуститься к воде, но тут так шандарахнуло, так сверкнуло, что она (с перепуга, наверное) потеряла равновесие и, не устояв, побежала вниз. Сообразив, что ей трудно будет остановиться, я успел выбрать место и приготовился ловить ее, уже набравшую скорость. Туча прорвалась, и хлынул такой ливень, какого я в своей жизни не видел. Поняв мой маневр, девушка угодила точно в мои объятия. Едва придя в себя, она сказала: «Все, можете меня отпустить», но я уже успел почувствовать, что только что изменилась моя жизнь, и разглядеть, что я держу на руках женщину лет сорока, с чуть раскосыми темными глазами.

– Меня зовут Екатериной, – сказала она, отворачиваясь, чтобы освободиться от прилипшего к телу платья. Как зовут меня, ей, кажется, было неинтересно. Стоя ко мне спиной, в одних никчемных трусиках, подчеркивающих ее женственность, она повернула ко мне голову и протянула платье.

– Попробуйте выжать посуше.

– Вы откуда? – спросил я, когда она была уже в платье и держала в кулачке свои мокрые трусики.

– Оттуда, – она с улыбкой посмотрела на верх горы. Странно, но дождь длился считанные минуты. По откосу к реке еще сбегала вода, а солнце уже шпарило, собираясь, как видно, быстренько оправдаться перед природой за временные неудобства, сотворенные ливнем. Я же в столь быстротечно грозном проявлении сил природы усмотрел для себя подсказку судьбы – неужели эта миловидная, складненькая женщина?..

– А я пытался что-нибудь поймать себе на обед, – сказал я. При слове «себе» она вопросительно подняла брови.

– Вы так добываете себе пропитание?

– Да. Сегодня первый день, но, очевидно, и последний, при моих рыбацких способностях.

- А охотиться?..
- Да нет. Категорически нет. Убивать медведей, зайцев, лосей и бекасов – это не для меня.
- Тогда плохи Ваши дела, – она посмотрела на меня сочувственно. В глазах ее я заметил тень усмешки. – Хотя знаете, в знак благодарности за спасение я попробую Вас накормить.
- А я не откажусь.
- Тогда полезли?
- Полезли, – неприлично быстро согласился я. Наверху оказались дорога и автомобиль «Пежо». Катя достала из под переднего колеса ключ.
- Прошу.
- Ее платье почти высохло, она сдержанно улыбалась.
- Ну не чудо ли, просто же красавица. Так бы и обнял, так бы и расцеловал.
- Думаю, такие фантазии – следствие истощенности вашего организма, – и опять в глазах полуусмешка.
- Не бывает. Таких женщин не бывает.
- Вам невероятно повезло, – сказала она, не отрывая глаз от дороги. И опять улыбка, теперь уже озорная. – Минутах в пятнадцати отсюда коттеджный поселок, там живут мои друзья. Они нас накормят.
- А это удобно? – спросил я запоздало.
- Удобно, Сережа, – сказала она, повернувшись ко мне. – Да посмотрите же на меня, Сережа. Скажите что-нибудь.
- Катя, я помню, что была гроза, что я держал на руках красавицу. Дальше уже что-то невозможное. Вы кто?
- Мы въехали в какой-то несуразный голый поселок.
- Нам туда, – сказала Катя, показав на единственный, как мне показалось, жилой дом.
- Конечно, – сказал почему-то я.
- На открытой террасе Катины друзья читали своей дочке «Красную шапочку».
- Сережа, – движением головы представила меня Катя.
- Лена, Игорь, Светка, – раскланялись Катины друзья.
- Поесть найдется? – спросила Катя.
- Если перекусить, то можно сию секунду. Если поесть, то немного погода, – скороговоркой сказала Лена.
- Боюсь, что Сережа упадет в голодный обморок.
- Дело серьезное, что будем пить – водку, коньяк? – тоже скороговоркой поинтересовался Игорь.
- То, что в традициях этого дома, – сказал я, пытаясь выглядеть современно.
- Тогда водку, – сказал Игорь и принес коньяку. – Пардон, оказывается, водки нет. Может, переживем? – потряс он бутылкой.
- Переживем, – сказал я.
- Выпив и закусив, я попытался разобраться в положении вещей. Поймал Катин взгляд. Она так смотрела на меня, как будто в чем-то сомневалась, но делала попытку понять, что происходит.
- Мне нравятся современные молодые люди. Они не усложняют себе жизнь излишними церемониями, они умеют находить нужные интонации, говоря или спрашивая о вещах, о которых не хотелось бы говорить как бы между прочим. Присев на подоконник и опираясь на него руками, Катя откровенно меня разглядывала.
- Сколько тебе лет, Сережа? Мне нравится, как ты пьешь. Без жадности, без озабоченности, что не заметишь момента, когда станешь пошлым.
- Ее переход на «ты» меня несколько удивил.
- А разве между умением пить и возрастом есть прямая зависимость?

– Конечно.

Она оттолкнулась от подоконника и оказалась со мной лицом к лицу.

– Неужели я буду когда-нибудь целовать ее глаза, шею...

– Сережа, всему свое время.

– О господи.

– Я, Сережа, слишком опытна. Ты не ответил на мой вопрос.

– Катя, я боюсь, что все, что сейчас происходит, может закончиться из-за неправильно понятого тобой моего взгляда, фразы, жеста. Я так дорожу этими прекрасными минутами очарованности тобой, что начинаю сходить с ума. Сколько мне лет?.. Рядом с тобой я ощущаю себя Мафусаилом. Я два года уже пенсионер. Разведен, имею взрослого сына, плохой рыбак, бестолков, не люблю художественной литературы...

– Об остальных твоих недостатках поговорим потом, – остановила меня Катя и, прильнув ко мне, поцеловала умело и сладко.

– Господи, ведь я смутно догадывался, что ты где-то существуешь, я тосковал по тебе, я пытался разглядеть тебя в других женщинах.

– Сережа, ты знаешь меня давно.

– Катька, я на кухне, иди сюда, покурим, – крикнула Лена.

Открытое окно кухни выходило на террасу. Мне было слышно, о чем они разговаривают. Из деликатности я не ушел. Лена говорила громко.

– Катя, он кто?

– Пенсионер.

– Ладно, он вроде ничего и...

– Лена, не напрягайся.

– Ты давно его знаешь?

– Час.

– Нормально, замуж за него пойдешь?

– Он еще не звал.

– Катерина, ты перегрелась, или, может, в тебя молния попала? Может, ты так шутишь? Ладно, не обижайся.

Катя подошла ко мне.

– Пойдем, я довезу тебя до автобусной остановки. Ты все слышал. Что скажешь?

– Скажу, что чувствую себя, как приговоренный к электрическому стулу.

В машине мы не разговаривали. На остановке она повернула ко мне голову. Я поцеловал ее в закрытые глаза. Она едва улыбнулась.

– Вот визитка, Сережа. И выходи. Я не могу тут стоять.

На светофоре она развернулась и, проезжая мимо меня, на меня не посмотрела...

На визитке только: «ЕКАТЕРИНА» и телефон. Дома я взглянул в зеркало. Старый уже мужик, смотревший на меня, совсем не подходил к роли героя романтической истории. Заныло под ложечкой. Открыл холодильник. Закрыл холодильник. Посмотрел на телефон. Развалился на диване. Заснул. Приснилось соревнование по перетягиванию каната. Я равнодушный зритель. Мне все равно, кто перетянет. Катя в команде сильных. На голове у нее – военная пилотка. Слабые вдруг победили. Все стали хлопать, и я со всеми. Катя подбежала ко мне, сорвала с головы пилотку и стала хлестать меня по лицу. Я проснулся. Посмотрел на часы. Сколько спал – бог его знает. Постоял перед зеркалом. На лице наискосок две красных полосы. Почему?

– Катя, – говорю я мысленно. – Сон, где ты бьешь меня по физиономии, может быть растолкован так – ты приходишь в себя и говоришь: «Сережа, извини. На меня что-то нашло. Я пошутила, прости и прощай».

Задрезжал телефон. «Катя? Откуда ты знаешь мой телефон? Ах да, твои способности. Катя, приезжай. Приезжай, а то завтра я буду тебе звонить уже из психушки».

– Как к тебе доехать?

– Лучше так...

Она приехала ко мне почти ночью. Окно комнаты было малиновым. В прихожей я целовал ее беспамятно. Остывая, мы посидели на кухне за пустым столом.

– Катя, что ты ешь по утрам? В холодильнике только холод.

– Сережа, ты хочешь со мной позавтракать?

– Потом пообедать и поужинать, и так всю жизнь.

– Ты предлагаешь мне стать твоей женой? Невероятно.

– Что невероятно?

– Что я осмелилась сказать об этом? Сережа, может, это тебе ни к чему? Может быть, завтра все будет не так, все будет плохо. Ты поймешь, что я совсем не такая, какой ты увидел меня вчера. Ты будешь разочарован, и тебе будет неловко сказать мне об этом.

– Катя, остановись, а то я позвоню в милицию. Я скажу им, что взял тебя в заложницы. Они приедут тебя освобождать, а я скажу: «Имейте в виду, я взял ее на всю жизнь и поэтому требую немедленно принести сюда еды».

– И кофе и молока. А то он за себя не отвечает. Так?

– Так, невероятная женщина.

Утро было серым, моросил дождь. Катя лежала с закрытыми глазами. Ее плечо, к которому я прикоснулся губами, было холодным. Она повернулась ко мне, прижалась, потянулась.

– Родной мой, я люблю тебя. Когда я вчера слетела с горы и оказалась у тебя на руках, я тебя узнала. Наконец-то начинает сбываться то, что рано или поздно должно было случиться. Это невозможное стечение обстоятельств – знак, указанию которого я последую, чего бы мне это ни стоило.

– Не следует ли из этого, удивительная женщина, что программа нашей с тобой жизни предопределена?

– Еще как следует, – сказала моя находка.

Прошел еще день, окно моей комнаты было опять малиновым.

– Катя, – говорю я в трубку. – Я затосковал по тебе сразу, как только ты закрыла за собой дверь. Оценивая уже как традицию просыпаться рядом с тобой, предлагаю, не нарушая ее, проснуться завтра в более экзотическом месте, чем моя комната.

– А я уже привыкла к ней, но идея ничего, я согласна.

Ее дружок Пежо примчал нас на ничем не примечательное место километрах в тридцати от столицы.

– Как мило, – с необидной ехидцей сказала Катя, разглядывая потемневший от времени, готовый повалиться деревянный забор. – Нам туда?

– Туда, моя прелестница, там нас ждут трудности приключения.

– Становится все интересней, – сказала Катя, поддержав меня своей улыбкой. За калиткой открылась небольшая заводь, заставленная яхтами и моторками.

– Ничего себе, – сказала Катя. – Вполне.

– Что вполне?

– Неплохие яхты, – сказала она тоном искушенного человека.

– Да, вот как-то так, – я скромно опустил голову.

– Какая же из них наша? Я хотела сказать, та, на которой мы пойдём.

– Вон та беленькая, на ней. Да, на всякий случай. Количество приключений зависит только от тебя... Управлять яхтой я не умею.

– То есть ты знал, что это умею делать я?

– Да, я в этом не сомневался. Даже если бы тут стоял крейсер, я бы не удивился, узнав, что ты на нем капитан.

Вручив взяточнику-сторожу положенную ему мзду, мы пошли к яхте.

– Присмотрите за синим Пежо, пока нас не будет, – попросил я сторожа.
На яхте у Кати подичали глаза.

– Ты готов?

– Да. Но я не умею плавать.

– Не ври. Умеешь. Поди, струсил.

– Нет, меня просто укачивает. Все, на что я тут способен – это найти тебе капитанскую фуражку.

В рундучке под лохматым свитером ее прятал хозяин яхты, мой друг, полуолигарх Саня. Белая, расшитая золотом, с коротким козырьком, она очень шла Кате. На воде было свежо. Значительно хлопнул наполненный ветром парус.

– Голову беречь, – негромко скомандовала Катя, пересаживаясь на другой борт. Над моей головой пронеслась рея.

– Экстремалка, – с негодованием сказал я, когда Катя в очередной раз, делая крутой поворот, заставила меня откидываться назад.

– Катя – ой, простите – кептен, на этом судне, кроме опасных для здоровья маневров, предусмотрено что-нибудь соразмерное с простым человеком, например, перекус? А то как бы перенасыщенность впечатлениями не отразилась на качестве других радостей жизни. Я знаю, где можно подойти к самому берегу.

– Пошли, – послушно сказала Катя.

– Тогда нам вон на тот мысок.

Мы пристали к узкому дряхлому бону. Берег выглядел приветливым. Крохотный березовый лесок на невысоком обрыве был на удивление чистым, если не считать старого костровища. Наш парусный кораблик без Кати погрустнел.

– Тут вряд ли найдется что-нибудь, из чего можно устроить костер, – пожалел я.

– Это хорошо, я не люблю костров.

– Почему? Это же уютно. Посидеть, посмотреть на огонь.

– Сережа, я видела, как горел бабушкин дом. Она этого не пережила.

Катя стояла, прислонившись к березе. Моя Катя. Красивая, умная, любимая. Куда она смотрит, что она видит?

– Сережа, там в сумке бутерброды.

– Да бог с ними, нам все равно километра через три-четыре приставать.

Я подошел к Кате.

– Хорошая моя, что с тобой? Что ты там видишь?

Она повернула ко мне голову.

– Я там вижу тебя, молодого совсем, послеармейского.

Катя улыбалась, но как-то невесело.

– Сережа, ну почему ты не спрашиваешь меня, кто я, как жила до тебя, чем я занимаюсь.

– Катя, я все еще не привыкну к тому, что ты рядом со мной. У меня темнеет в глазах, когда я на тебя смотрю. Что ты со мной делаешь. Ты лишаешь меня воли. Я эгоист. Вместо того, чтобы избавить тебя от наваждения, сказать: «Ну приди же в себя. Посмотри, какой я старый. У меня все уже в прошлом, а я эгоистично стараюсь понравиться тебе...»

– Все? Ты сказал все?

– Катя, ты смеешься?

– А что мне делать с тобой, таким бестолковым? Тем более, что ты меня уже скомпрометировал... Так что твое отступление я расцениваю, как минутную слабость. Тебе дается шанс оправдаться.

– Катя, иди ко мне. Прости меня. Мне все равно, кто ты, мой чувственный восторг от близости с тобой не имеет названия. Ты мое астрономическое открытие. Ты моя комета – неожиданная и прекрасная.

Ночевали мы на террасе, над водой, под огромным одеялом. Под нами журчала вода, и какая-то птица на противоположном берегу время от времени интересовалась тем, как мы устроились. А мы устроились замечательно..

Мы не виделись больше недели. Ее мобильник был недоступен, а городской автоответчик Катиным голосом просил оставить сообщение. «Что ты там себе думаешь? Когда приедешь, ответишь за все». Вот что я сообщил автоответчику.

Когда она среди ночи позвонила и сказала, что едет, я вышел ее встречать. Она приехала на такси. Меня это насторожило. Катя не удивилась, что я жду ее на улице.

– Катя, мне в голову лезли всякие мысли, пока тебя не было, а одна просто разрушала мое сознание. Угадай, какая.

– Пойдем домой, – сказала Катя. – Я решила все проблемы... Здравствуй, мой дорогой. Ты меня все еще любишь? В жены все еще берешь?

– Беру, моя родная, – говорю я, прижимая ее к себе.

– Сережа, для меня этот день останется на всю жизнь днем, когда мои желания исполнились.

Через месяц мы собрали ее и моих самых близких друзей.

– Так вот, – сказала Катя. – Сережа теперь – мой муж. Я его знаю и люблю давно. Он меня тоже любит, но не знает совсем, так он думает.

Меня как будто током пробило. Я узнал одного из приглашенных. Я пытался вспомнить, почему его знаю. Каким образом связан с Катей этот пожилой красавец с седыми висками и идеальным пробором на голове? Когда выпили, попривыкли друг к другу, я вышел с Игорем на лестничную площадку. Потом вышла Лена.

– Что-то случилось? – спросил Игорь.

– Еще как случилось. Я узнал того, кто сидит рядом с тобой. Но никак не могу связать его с Катей.

– Сережа, это Катин дядя.

– Катин отец умер больше года назад, – предупредила меня Лена.

– Ну да, все совпадает, он же был на Степкиной свадьбе – капитан-лейтенант, молодой красавчик с едва пробившимися усиками.

– Так что? Катя – дочь моего друга Степана?

– Получается, что так, – сказал сильно удивленный Игорь.

– Но я же был на похоронах. Ни Кати, ни ее дяди там не было.

– Катя приехала на следующий день, а его брат вообще не смог приехать, – с какой-то радостью сообщила Лена.

– Ты что, знала, что Катин отец – мой друг?

– Да, Катя доверила мне свою тайну.

Когда гости разошлись, Катя, стоя у окна, ждала, что я скажу.

– Катя, я старый болван, как же я мог не вспомнить тебя, ты же подрастала у меня на глазах, ты превращалась в тоненькую темноглазую красавицу, когда я уехал оттуда. Удивительно, почему же я не мог вспомнить тебя.

– Сережа, у тебя были свои красавицы, и я их всех помню. Они тебя любили, это было видно невооруженным глазом. А ты как-то уж очень легко с ними расставался. Я тебя за это ненавидела. Когда ты уехал в Калугу, мне показалось, что жизнь моя потускнела. Сказать, что я тебя любила, не могу. Это не было любовью, это было какой-то заморочкой. Когда я повзрослела и стали появляться претенденты на женихов, никто из них мне не понравился, они не были похожими на тебя. Я любила тебя. Потом я все же уехала из России. Жила и работала в разных странах, но прикипела к Португалии... Знаешь что, у нас жизнь впереди, мы еще успеем с тобой о многом переговорить. Когда на Истре таким невероятным образом мы

с тобой «познакомились», я поняла, что судьба подарила мне, может быть, последний шанс. А заморочкой была вся моя жизнь без тебя.

– Катя, как ты думаешь, если бы Степан, твой отец, царство ему небесное, был бы жив, он бы нас понял?

– Я думаю, об этом не надо говорить. Случилось бы то, что случилось. Помоги мне убрать со стола.

Тотально-синий в начале позапрошлой недели

– Пожалуй, подходящее название для этой безделицы, – подумал мастер, привыкший к тому, что его называют «Большой художник», разглядывая прошлогоднюю незаконченную композицию с преобладанием интенсивно-синего в окружении светло-охристых пятен, напоминающих вереницу монахов-капуцинов, несущих горящие факелы. Из окна его мастерской видна речка с ослепительным солнечным бликом посередине.

– Хочется жить, хочется творить, хочется чего-нибудь выпить и чем-нибудь закусить, – сказал он вслух, и собственный каламбур ему понравился.

На Дмитровском направлении существует деревня Жопино. Да, название подкачало, но не более того, во всяком случае местных оно не шокирует и ничем оно не хуже известных мне Сукино, Прищемилово или Паскудино... Сейчас эта деревня известна не названием, а тем, что в свое время в ней поселился «Большой художник». Теперь, если какой приезжий ищет деревню с прежним названием, уточняя, что в ней живет художник, то местные говорят: «Так это, проедете с полкилометра, до столба с тремя опорами, повернете направо, проедете еще с полкилометра, там его и найдете, его всяк там знает».

Вот одна приезжая и нашла его таким образом. Откуда она взялась? Невысокая, в очках, складненькая, чрезвычайно женственная, улыбчивая, рыжая и примерно тридцати пяти лет. Увидев его перед большим холстом на лугу около речки, она не могла не застыть в благоговении, потому что, во-первых, на ее глазах, вполне возможно, рождался шедевр, во-вторых, художник был действительно большим (метра два ростом, наверное), плотный, с густой бородой, неряшливо кудряв и одет в белую хламиду.

– Местный вариант Максимилиана Волошина, – решила она, приблизившись к нему на расстояние вытянутой руки. День был июльский, субботний, жарило солнце, народу на реке была тьма, на выгоревшем небе ни облачка. От такого счастливого расположения обстоятельств хотелось зевать и сладко потягиваться.

– Ничего, что я тут стою, около Вас? – спросила приезжая.

– И вопросы, поди, будете задавать? – не поворачивая головы, поинтересовался художник.

– Это, – округлым жестом обьяв картину, – разве имеет какое-то отношение к пейзажу, на который направлен ваш взгляд? – опасаясь за свое физическое благополучие, кротко спросила приезжая.

– Гражданка, Ваша наблюдательность делает вам честь, но она не тождественна вашей сообразительности. Я, знаете ли, не смотрю туда, на тот пейзаж, а пытаюсь здесь, на природе, закончить очередную картину из серии под общим названием «Кумулятивность красного в лиловом и розовом».

– Остановитесь, художник, не морочьте мне голову, – строго предложила приезжая. – То, что Вы делаете, называется, как бы это помягче выразиться... Я думаю – постшизофренизмом. Вам надо прийти в себя. Пойдите и нырните в речку, а я с вашего позволения посижу на Вашем стуле и покараулю, фу, вот это ... «красное в лиловом и розовом».

– Пойдите и нырните... Вода – это, блин, стихия, в нее надо погружаться, а не нырять. Погружаясь, я становлюсь родственником ершам и тритонам. Пойдем, погрузимся вместе. Ты почувствуешь себя родственницей пиявки. Если хочешь, я тебя на ладошке подержу, чтоб не утонула. Расфукалась. тут. Не выпендривайся. Картина как картина.

– Вот хам, – сказала рыжая дружелюбно. – Ты научишь меня плавать?

– Что, совсем не умеешь?

– Я воды боюсь.

– Вот и не выпендривайся.

– Как незаметно мы перешли на «ты».
– С тобой иначе нельзя, мелкая змеюка. Давай уж, выкладывай, зачем я тебе. Сидел себе, творил. Хорошо еще, что я добрый, а то закинул бы тебя вон туда, в кувшинки, чтобы к людям не приставала.

– Я же плавать не умею.

– Ладно, пойдем в палаццо, налью тебе воды в блюдце, поплещешься немножко.

– Хватит измываться над женщиной...

– Что? Не пойдешь?

– Пойду.

– Однако! – изумилась приезжая, увидев красивый «сложносочиненный» дом на просторном газоне.

– Ну, что делать, нам, творцам, не зазорно иметь сносное жилище, – едва слышно буркнул художник.

– Так, в этом дворце ты живешь. А мастерская у тебя есть?

– А как же. Послушай, жратеньки хочешь? Тогда поскребешь по сусекам? А я поищу, чем остудить внутренний жар.. А потом пойдем мы с тобой в укромный уголок...

– Для чего это?

– Как будто сама не знаешь. Посидим, покалякаем за жизнь и чем-нибудь таким займемся.

– Чем-нибудь?

– Ну да, фотки посмотрим, чаю попьем по-йоркски.

– Мне бы пива по-бескудниковски.

– Есть проблема, не переносю женщин, от которых пивом несет. У меня исчезает к ним интерес...

– Во как? Помнится, один умник в одной мюнхенской пивной так себя загрузил, что, ухватив за помочи проходившего мимо немца, спросил: «Скажи, Адик, где у вас тут...» и выразительно обозначил свою неотложную малую нужду.

– А он что, не помнишь?

– А он, нагло тебе улыбнувшись, вежливо сказал: «Русише шайзе, это там».

– И я никак не отреагировал на это свинство?

– Отреагировал; ты, тоже улыбаясь, как попка твердил: «Данке, данке, данке шен».

– Да, блин, история, – вздохнул художник и почесал себя над виском. – А ведь я тебя, собаку, сразу узнал и, не поверишь, обрадовался. Что-то случилось? Угрызения совести, чувство вины? Или?.. Никак, совсем плохо?

– В психушку чуть не попала, после попытки суицида.

– Да что ты?

– Так мои соседи немецкие подумали и вызвали скорую помощь. А я, понимаешь, тебя вспомнила, и так в Россию захотелось, и это после того, как ты пять лет назад мне сказал: «Знаешь что, маленькая, шла бы ты». Иван, ты что? Неужели забыл?

И я пошла в слезах и в соплях. Пошла, как раньше говорили, по рукам. Случайно вышла замуж, за Пауля, уехала к нему в Германию, родила дочь и затосковала по тебе. Да так, что даже поправилась на нервной почве. Даже в наш с тобой любимый Мюнхен поперлась. Такая была тоска. Через два года с Паулем развелась, дочку он мне не отдал. Квартирку сняла на Любекерштрассе. Однажды сосед по балкону листал каталог немецкого художника Оттона Узеро, с поразительно похожим на тебя автопортретом. У меня, представь, аж сердце защемило. Я попросила его дать мне посмотреть. Хороший немец, он что-то понял...

– Послушай, крошечная, делаем вот что. Я постелю тебе в комнате, окнами на закат, потом мы пройдемся по деревне. Мне надо прийти в себя, решить, что предпринять, потому что вряд ли мой образ жизни тебя устроит. Подумать, как жить дальше, с тобой или без тебя.

– Таким, значит, образом?

– А ты как думала? Сделал глупость, обошелся с тобой по-свински. Не знаю, не знаю, что делать. Единственное, что может меня оправдать... Одним словом, я хотел как лучше. Вот что. Ни по какой деревне мы с тобой не пойдем. Надо хорошо поужинать. Правда, в холодильнике только холод.

– А я поскребу по сусекам? А ты найдешь, чем промочить горло, Пиво исключается... Иван, какой ужин? Бестолочь, где твой укромный уголок? Пойдем уж фотки смотреть, иначе я тебя искусаю.

– О, мне предоставляется шанс загладить свою вину... Секунду. Мне надо распорядиться. Выглянуть в окно.

Эй, пионер! Не в службу, а в дружбу, если тебе не трудно! Все, что я оставил у речки, перетащи ко мне в мастерскую. Спасибо, выручил. Обещанное за дверью.

Пойдем, нежданная и родная моя собака. С ума сойти.

– А как кличут собаку, не помнишь?

– Помню, выговорить не могу...

– Ну попробуй, мне было бы очень приятно.

– Попробую, Любовь.

– Вот видишь – Любовь. Иван... Как это понимать? Что это? Откуда у тебя Оттон Узеро?

Он кто – ты?

– Некоторым образом. Я тебе все расскажу. Не сейчас.

– Представляешь, а ведь у меня были тогда смутные предположения, что на каталоге ты. Когда я тебя здесь увидела, я поняла, что с тобой что-то произошло, что у тебя есть тайна. Ты мистификатор?

– погоди, не все сразу. Боюсь, что ты меня осудишь, когда узнаешь, кто я теперь. Мне ведь придется открыть тебе не только мою тайну... Ладно, пойдем наверх, я тебе что-то покажу.

Вот, это все каталоги. Эти на английском, Узеро на немецком, эти на русском... Из них следует, что некий художник, старающийся не афишировать свою очевидную гениальность и свое имя, тем не менее хорошо известен среди коллекционеров... Некоторые считают его немецким художником Оттоном Узеро, но, скорее всего, эта фамилия вымышленная. Ну и так далее...

Люба, ты помнишь, где мы с тобой познакомились?

– Помню, на Крымском валу. Ты подошел ко мне сзади, взял за плечи. Я оглянулась и поняла, что бояться мне нечего. Ты подвел меня к своему приятелю-художнику, поставил перед собой, погладил по голове и сказал: «Вот эта маленькая красотка – для меня все». А твой друг назидательно порекомендовал: «Корми ее конфетами».

– Ну это было потом, а как познакомились?

– Мы с отцом разглядывали довольно большую картину Кандинского, и отец сказал: «Чтобы попытаться это понять, надо узнать, почему он таким стал. У него ведь есть достаточно реалистические вещи». Парень, продававший картину, чистосердечно сознался, что он совсем не художник, но любит «срисовывать». И именно эту картину он успеваеет срисовать с репродукции за неделю, и что он продал таких уже три и получил за них долларами столько, сколько не зарабатывает и за полгода. Ты был где-то рядом, подошел к нам и сказал, имея в виду парня: «Какой простодушный человек». Отец, кивнув головой, согласился. А я тебя, такого большого, заметила еще раньше, и ты произвел на меня сильное впечатление. Размерами. Неужели ты всего этого не помнишь?

– Здрасьте! А разве не я, когда ты с отцом уходила, догнал тебя и сунул в карман твоей куртки оторванный край сигаретной пачки с номером моего телефона... Я запал на тебя так, что дергался от каждого телефонного звонка, а ты все не звонила. Я, кажется, убил бы тебя, если бы узнал тогда, где ты живешь. Наконец ты соизволила, звякнула-брякнула и спросила

в своей беспардонной манере: «А кто ты таков? Может, ты прохвост, а я намерена сходить сегодня с тобой в Третьяковку. Нет, в Современник». И пошли мы с тобой в Современник. Получилось это у нас как-то без проблем. Как получалось потом и все остальное. И это было прекрасно.

– Послушай, а что ты делал на Крымском валу? Ведь ты же не художник.

– Не художник, автодорожник, но я, как тот парень, люблю срисовывать. И когда мы с тобой встретились, я был там первый и последний раз.

– Иван, а ты меня хоть немного любил, ну, все это время, пока мы были вместе? Только откровенно.

– Да, и боялся, что ты меня бросишь. Ты умна, обольстительна, а я не твой формат. Потом, твой университет и мой автодорожный несопоставимы. Моих знаний не хватало поддерживать умные разговоры с твоими приятелями. Я поймал себя на мысли, что начинаю тебя ненавидеть за то, что не впущен в круг твоих знакомых. Ты, конечно, в компаниях позволяла мне сидеть рядом с собой, как большому, к тому же я стал от тебя зависим, мне тебя стало мало. Даже когда ты была рядом, я мечтал о тебе, я уже не был уверен в том, что смогу однажды тебе сказать: «Прощай, я ухожу». Нет, я не собирался от тебя уходить, я хотел себя проверить. Это же ни на что не похоже... Я стал безволен. Ужасное состояние.

– И тогда ты набрался наглости после того, как мы провели с тобой одну из обалденнейших ночей, все же сказать: «Знаешь что, маленькая, шла бы ты...» Это было так грубо, так неожиданно, так обидно. Ты на меня наступил. Ты меня раздавил.

– Ладно, об этом стоит поговорить, но не сейчас, прошу тебя.

– Почему тебя зовут «Большим художником»?

– О господи. Да шутка это, связанная с моей первой «профессиональной» выставкой в начале двухтысячных годов. Ее устроил мне в подарок мой школьный товарищ – Сережа, известный в банковской сфере человек, тебе он незнаком. Должен сказать, с какого-то момента мне стало нравиться «сочинять» картины. У меня, правда, хватило ума ни у кого не «срисовывать». Я даже упразднил все свои книги и журналы по искусству, чтобы не было соблазна сравнивать себя с кем-нибудь. Таких «сочиненных» картин набралось на небольшую выставку. Вот тогда Сережа и сделал мне этот подарок. Мало того: он издал каталог с комментарием модного коллекционера современного искусства. Не знаю, зачем, но этот коллекционер сравнил мои картины с живописью «больших» художников двадцатых годов. Наверное, тогда и стало прилипать ко мне это «лестное» прозвище. Выставка подействовала на меня странным образом. Я осознал свое «творчество» как начало Себя... Я безоговорочный художник и прошу всех прочих со мной считаться. Так позиционировать себя мог только наглец и невежа, каким я тогда и был... Когда я начинал (да и сейчас тоже), я все же держу в уме, что никакой я не художник. Бывали дни, когда я расставлял свои «картины» вокруг себя, тупо на них смотрел, «анализировал» и готов был все искромсать, выкинуть и трезво осознать, кто я таков и что то, чем я занимаюсь, – небезопасное для здоровья умопомешательство. И тут мне опять помог Сережа. Единственное, что меня напрягло – его между прочим высказанное замечание, что ему еще предстоит потратиться на то, чтобы я стал от него независим. Мне тогда показалось, что его участие в моем «развитии» для него обременительно, но имеет какой-то не обозначенный прямо интерес. Время от времени он объявлял мне: «Извини, забыл тебе сказать, но в позапрошлом году в немецком городе таком-то с успехом прошла выставка двадцати твоих работ из моей коллекции, вот почитай, что написали о ней их газеты». А потом и того удивительней. «Скажи, – спросил он. – Ты свои работы не фотографируешь?» Не знаю, почему, но я сказал: «Да нет, а зачем?»

«Вот и хорошо, – сказал он с нескрываемым облегчением. – Тебе незамедлительно надо открыть счет в банке», и он даже назвал предпочтительный, разумеется, свой... Сережа поку-

пал у меня все, любую почеркушку. И вот недавно он меня спросил, не хочу ли я посмотреть коллекцию его картин. «Хотелось бы взглянуть».

«Мне нравится твоя снисходительная интонация, – сказал он. – Она тебе подходит и, пожалуй, скоро тебе понадобится. Да, вот еще что. Настал момент кое-что поменять в наших взаимоотношениях». И он ушел.

– А ты в его галерее был? Как они там смотрятся, твои работы?

– Почему мои?

– Да я просто уверена, что его галерея состоит из твоих картин.

– Ты знаешь, я никогда не был у Сережи – ни дома, ни в его галерее. Я даже не знаю, где он живет. Конечно, посмотрю. Может быть, вместе сходим?

– Нет, не вместе. У меня есть идея. Я приду сама по себе. Проведем эксперимент (если ты, конечно, не против).

– Люба, у меня одно условие. Твой эксперимент не должен никаким образом навредить Сергею.

– Боже сохрани.

– Тогда я с ним договариваюсь?.. Сережа! Привет. Помнишь, с месяц назад ты предложил мне познакомиться с твоей галереей? Сегодня я в Москве. Да, у меня же есть адрес. Хорошо, договорились.

– Ну вот, Люба, завтра в шестнадцать часов. Вот адрес его банка.

В банк меня впустили не без церемоний.

– Прошу Вас, проходите сюда, присаживайтесь. Сергей Александрович просил подождать. Чай, кофе? – Приятный молодой человек подвел меня к дивану и столику около затейливого фонтанчика в зимнем саду, на крохотном зеленом газоне. Пока я пил кофе и оглядывался, появился Сережа, простой, свой и в дорогом костюме. Мы обнялись, похлопали друг друга по спине.

– Ну что, пойдём или подождём здесь твою обворожительную подружку?

– Ты разве её знаешь?

– Знаю; между прочим, мы с ней родственники.

– Вот те на. Я ничего не понимаю...

– Поймешь. Ну, вот и Люба.

К нам шла невероятная, модная красавица.

– Люба? С ума сойти! Да что происходит?

– Здравствуй, Ваня. Давно не виделись. Может, ты меня поцелуешь? Пойдем, посмотрим твои картины. Ну очень хочется...

Сережа плутовато улыбался.

– Пошли, пошли... Ну как, Иван? Что скажешь?

– Не знаю, может быть, освещение, развеска... Я просто балдею. Вполне приличные работы. Люба, давай уж колись, вы что, договорились? А то я за себя не ручаюсь.

– Иван, только без бандитизма, – забеспокоился Сережа. – Походите, посмотрите, поговорите, а потом, – он сделал паузу, – вон в ту дверь, на банкет-с...

Из шестидесятилетнего банкира Сергея Александровича вдруг высунулся и показал язык Серега, «Серый», – мой друг, отличник и головная боль директора и педсовета нашей школы: «Ты что застыл? Замолчал? С тобой все в порядке?»

– Ну вы, собаки, мне за все ответите, а ты, Люба, сегодня же. Да я вас... Шутники, негодяи, секретные агенты...

– Вань, Ваня, Ванюшка, а ты мог бы меня снова полюбить?

– Такую? Да ни за что, на тебя же без слез не глянешь... Ты же ослепительная красавица, смотреть больно. Нет, я тебя недостойн. Ну кто я? «Большой», но очень скромный художник. Нет, полюбить такую... Но я попробую. Сразу же после банкета...

Стол был сервирован так, как это наверное, принято у банкиров. Всего, в том числе и изысканной закуски, было предостаточно.

– Иван! – Серега поднял бокал. – Ты меня прости. Предлагаю выпить за окончание серьезнейшего эксперимента. Удачного, слава богу. Надеюсь, ты все понял и меня прости. Несколько лет тому назад, когда у тебя были некоторые трудности, мне пришло в голову, что я тебя (принципиального и гордого) могу материально поддержать и заодно с твоей помощью провести один радикальный, интересный для меня эксперимент. Когда-то у какого-то французского литератора я прочитал рассказ о том, как известный критик искусства в компании себе подобных готов был с кем угодно держать пари, что за полгода сможет из любого, даже не имеющего никакого отношения к искусству человека, сделать сверхмодного критика, мнением которого будут дорожить как самые известные художники, так и коллекционеры.

Он уговорил своего приятеля взять яркий выразительный псевдоним, запомнить несколько почти ничего не значащих фраз, жестов и междометий, чтобы произносить их в определенной компании в нужный момент значительно и как бы между прочим.

Через какое-то время в культурных кругах появился некий амбициозный критик, ниспровергатель «Великих», иронически относящийся к традициям и авторитетам. О нем стали говорить, на него стали ссылаться. Но когда кто-то предпринял попытку познакомиться с его трудами по искусству, оказалось что трудов нет, как не было и критика как такого тоже. Но мне было проще. Задача моя состояла в том, чтобы ты, Иван, стал знаменит и, как следствие, богат. Я распознал в тебе настоящего художника. Все остальное было не так сложно. Теперь ты знаменит, относительно богат и, надеюсь, будешь счастлив с моей двоюродной сестрой Любой.

– Сережа, я не уверена в том, что Иван после твоего «эксперимента» не начнет копать в себе, и неизвестно еще, что он отмочит. Иван, ну что ты голову опустил.

– Я не опустил, я подбираю слова. Какие же вы все-таки гады. Сережа, спасибо тебе за то, что с твоей помощью я приобщился к людям, испытывающим иногда минуты счастья, минуты парения. Может, сказал высокопарно. Простите. Спасибо за пирушку, но нам с Любой безотлагательно надо спешить.

– Если не секрет, куда?

– Не секрет. Мы с Любой смотрим фотки. За то время, что мы с ней не виделись, столько накопилось... Да, Люба?

– Ой, много, Ваня.

– Тогда, конечно, летите... Да и мне надо идти, продолжать богатеть.

Через полгода мы с Любой создали семью, съездили к ее дочери и уговорили Пауля отпустить ее к нам в Россию. Однажды Люба, наводя относительный порядок в моей мастерской, наткнулась на папку с текстами.

– Иван, это твое?

– Да, мои рассуждения о природе творчества, творческих амбициях. О том, как случайные, неудачные с моей точки зрения вещи приобретают значимость и банальную стоимость. Путевые заметки. Чужие мысли. И всякое прочее, что в определенный момент жизни казалось важным, нужным. Сны, ночные кошмары, дурацкие поступки. И всякое такое, что называется течением времени, ручьем, впадающим в Лету.

– Ты прости, я нашла это несколько дней назад и, представь себе, зачиталась. Твои взгляды на взаимоуничтожение полов показались мне невероятно свежими и откровенно честными. Твои каляки-маляки в конце текстов, на полях и в разных других местах непонятны, грубо и непосредственны и очень уместны. Я тебя поздравляю, ты неплохой литератор и заме-

чательный иллюстратор своих текстов. Это надо напечатать и без всякого редактирования...
Поверь мне.

– Послушай, Люба, а еще я – замечательный композитор. Если ты случайно найдешь еще одну папку, ты не сможешь не оценить оригинальности моих импровизаций, смелости моих интерпретаций Малера и Шнитке, не говоря уже об Игоре Крутом и Диме Маликове. Я вообще удивительный человек. Мне не чуждо огородничество и моделирование женского пляжного оснащения. Я...

На Дмитровском направлении существует деревня Жопино. Сейчас эта деревня известна не названием, а тем, что в свое время в ней поселился «большой художник», «литератор», замечательный «композитор», а также его симпатичная муза.

– Не много ли для одной деревни, как ты думаешь? – спросил художник свою жену.

– Пусть будет, – сказала она.

Левитановский пейзаж

В невообразимо скучном районном городке дальнего Подмосковья, на чисто подметенной площади, перед зданием местной администрации, где устало тянул руку в направлении торговых рядов гранитный вождь мирового пролетариата, встретились мужчина и женщина.

– Молодой человек, если Вам не трудно, напомните мне, какой у нас век, – спросила нездешняя блондинка молодого человека из местных преуспевающих. У женщин так устроены глаза, что таких молодых людей они определяют легко.

– Подождите, дайте подумать. Похоже, все же двадцать первый, если судить по Вашему Пежо, припаркованному с милым неприятием знака о том, что стоянка здесь запрещена.

– Странно, а я только что разговаривала с городничим, от которого нюхательным табаком несет.

– Вас кто-нибудь достал?

– Достал. Вчера я застряла посреди деревни, приехала, видите ли, к бабушке в гости. Из колдобин меня вытянул какой-то парень. Не человек – ангел. Прицепил к своей Ниве, выдернул из грязи и исчез, здрасьте-пожалуйста.

– Девушка, а Вы...

– Нет, я не психопатка, не пугайтесь.

– А сюда Вы приехали, чтобы...?

– Совершенно верно. Чтобы сказать главе вашей администрации все, что я о ней думаю. Да Вы посмотрите вокруг. При царе Додоне было так же. Дорог нет, освещения в деревне нет, какой-то кошмар.

– Разборка? На Вас это не похоже.

– Да откуда Вы знаете. Вы меня видите первый раз в жизни.

– Это верно, первый, но я вижу женщин насквозь, это особенность моей натуры. Увижу женщину и сразу все про нее знаю.

– Не морочьте мне голову.

– Я не морочу. Хотите, я попробую Вам кое-что про Вас рассказать? Одно условие – посмотрите мне в глаза минуту, а я, соответственно, в Ваши, так мне легче Вас «увидеть». Итак...

– Ну, знаете!

– Да, Женя, кое-что. Я, например, уверен, что Вашу бабушку зовут так же, как и Вас. Деревня, где Вас выручил несчастный малый, называется... Так, секундочку... Саврасино, так? Приехали Вы к нам до конца недели. Нашему району в связи с этим невероятно повезло.

– Скажите, откуда Вы все это знаете – и про деревню и про бабушку?

– Женя, Вы так обворожительны, а Ваша ярость так мила, что я могу предположить только, что Вы просто встали не с той ноги и я смогу что-нибудь сделать для того, чтобы Ваше представление о нашей провинции стало немножко другим.

– Молодой человек, это не ответ на вопрос.

– Хорошо, хорошо, но объяснить Вам технологию моего ясновидения все же было бы удобнее в более подходящем месте – ну не на площади же под палящим солнцем. Есть тут небольшое кафе, рядом с заправкой. Как Вы насчет мороженого? Заодно, пока Вам моют и заправляют машину, я попытаюсь заступиться за городничего и за всех, кто испортил вам настроение.

– Интересно, правда, посещение кафе не входило в мои планы, но от мороженого не могу отказаться. Вы что, здешний дон Корлеоне?

– Обо всем за мороженым, с Вашего позволения.

Молодой человек достал мобильник.

– Сережа, минут через семь подойди к кафе. Ну что? Поехали?

– Поехали, – удивленно улыбаясь, согласилась блондинка.

У кафе их встретил Сережа, еще почти мальчик, в опрятном голубом комбинезоне.

– Сережа, займись машиной, помой и заправь.

– Хорошо, Артем Алексеевич, будет сделано.

– Совсем неплохо не переставая удивляться, – сказала блондинка, усаживаясь за столик, накрытый свежей в мелкую клетку скатертью и притрагиваясь носом к колокольчикам, стоящим в гладком стакане. – Предполагаю, что это уютное заведение – Ваша собственность.

– Да, и заправка, и супермаркет и школа искусств, которую я содержу. Все моя собственность. Говорю не похвальбы ради, а в упреждение ваших вопросов.

– Ну так давайте, поведайте уж, откуда Вы про меня знаете?

– Для установления доверительных между нами отношений мне следовало бы сказать: «От верблюда», но мне сообщили оттуда, – молодой человек поднял к потолку глаза. – От него.

– От кого?

– От своего дяди, городничего. За минуту до нашей с Вами «случайной» встречи он мне позвонил и сказал, что в наш город навести порядок приехала очаровательная злока, внучка уважаемой Евгении Анатольевны Крекшиной из деревни Саврасино.

– Ну конечно, могла бы и сама догадаться.

– Можно Вас спросить?

– Можно, Артем Алексеевич.

– Со мной мы разобрались, но почему Вы, Женя, именно меня остановили, а не кого-то другого?

– Вопрос смешной. Знаете, среди всяких ничего не выражающих физиономий, которые мне сегодня попадались, Ваше лицо мне показалось более-менее осмысленным.

– Я польщен, но не уверен, что такое из ряда вон выходящее событие, как Ваше появление в наших захолустьях, следует отмечать мороженым. Предлагаю выпить шампанского.

– Артем Алексеевич, это по меньшей мере забавно, и потом, Вы забыли, что на заправленной и помытой машине (спасибо Вам за это), я должна ехать к бабушке. Мне кажется, что Вы мало того, что Дон Корлеоне, но еще и Казанова, для слабой женщины перебор, согласитесь. Вы так любезны и в Вашей компании так приятно было полакомиться мороженым, что я должна извиниться за давешний мой эмоциональный наезд на Вас, простите, ради бога. И вообще у меня начинают меняться представления о состоятельных людях.

– Женечка, хочу Вам заметить, что деревня Саврасино от нашего столика в двенадцати километрах. Для современного французского автомобиля не расстояние, давайте посидим еще.

– Артем Алексеевич, во-первых, я за рулем, а во-вторых, мне действительно с Вами хорошо – и это главная причина, по которой я должна уехать.

– Вот те раз! Ради бога, не вставайте, главная Ваша причина оставляет мне надежду, что, если мы решим первую, то автоматически решится и главная. За руль не переживайте, Сережа нас отвезет.

– Кого это нас?

– Вас и меня.

– Однако.

– Женечка, да не напрягайтесь Вы так! Ну не могу же я Вас не проводить и не передать вашей бабушке в целостности и сохранности. Признаюсь Вам, что мне еще утром не могло прийти в голову, что сегодня мне предстоит поменять планы на жизнь.

– Какие планы, Артем Алексеевич? Вы так зависите от обстоятельств?

– Нет, Женя, сию минуту, глядя на тебя, я прислушиваюсь к своей душе, она...

– О господи, мы уже перешли на «ты»? Неужели на Вас так подействовало мороженое, по-моему, уже в позапрошлом веке говорили проще, Вы что, признаетесь мне в любви?

– Кажется, но у меня нет слов, любовь лишает человека рассудка, сужу теперь по себе.

– Ладно, я выпью с Вами шампанского.

– Замечательно. А вот и оно.

– Ну, скажу я Вам! Ваша расторопность заставляет усомниться в вашей сумасбродности.

Да не смотрите же так на меня, я начинаю Вас побаиваться.

– Постараюсь. Ну что, на брудершафт?

– Все не обязательно, тем более что Вы уже перешли со мной на «ты».

– Женя, надо соблюсти традицию.

– Артем Алексеевич, хорошо, я буду говорить Вам «ты», традиции слишком громоздки.

– Женя, традиции и должны быть громоздкими. Это же ритуал, священнодействие.

И потом, я теперь знаю, как выглядит посланная мне судьбой женщина.

– Артем, может быть, уже поедем?

– Женечка, послушай, с какими перебоями бьется мое сердце, оно может даже остановиться, если ему не оставить надежды.

– Артем, какая у тебя оценка по русскому и литературе, поди, пять?

– Да, пять. Между прочим, я два года проучился в Литературном институте.

– Тогда как называются малые дети гиппопотама, с первого раза?

– Гиппопотамята.

– Молодец, учиться бы и дальше.

– Нет, не мое...

– Артем, ты хороший, умный, милый человек. Проводи меня до бабушки, если не передумал, и давай остановимся.

– Сережа, ты готов? Подъезжай. Женечка, мы сядем на заднее сиденье?

– Хорошо, Артем.

– Сережа, в Саврасино.

Замелькали за окном среднерусские красоты.

– Женя, я люблю твою бабушку, люблю деревню Саврасино, твою машину и тебя.

– Твой перечень составлен в порядке убывания?

– Нет, в порядке хитрости, чтобы был повод загладить свою невоспитанность. Я люблю тебя больше машины, деревни Саврасино и твоей бабушки. Ты меня прости и в знак прощенья поцелуй. Ничего придумано?

– Здорово, Артем.

– Сережа, съезжай там, где бетонные плиты.

– Я знаю, Артем Алексеевич, я тут бывал.

За бетонными плитами гиблое место для машин было засыпано всяким хламом: битыми кирпичами, кусками старого асфальта, шлаком и песком. Через десяток метров съезд превратился в наезженную тракторную колею, петляющую под высокими облаками по бескрайнему лугу.

– Вот так и ездим, – с укором сказала Женя.

Колея стала глубже, блеснула среди кустов речка, и открылась на небольшом взгорке живописная деревня, украшенная гигантскими ветлами. Среди новых домов и красно-кирпичных теремов, воздвигнутых закарпатскими хлопцами, домик Жениной бабушки выглядел неважнецки, то есть убого. Но внутри оказался большим и светлым. Наверное, из-за веселеньких ситцевых занавесок на двух окнах. Посреди комнаты на некрашеном полу, застланном домотканными дорожками, красовался стол, накрытый льняной скатертью с едва заметной выделкой. Его точеные ножки были надежны и уютны. На столе – традиционный, но слишком роскошный для скромного дома старинный серебряный самовар. Появилась бабушка. Евгении

Анатольевне Крекшиной лет уже было не мало, скорее много, но все еще была видна стать, и улыбалась она ослепительно, не стесняясь своих белых зубов.

– Бабушечка, извини, ради бога, раньше не получилось.

– Не извиняйся, я вижу, приятные молодые люди. Кто они?

– Если позволите. Мы познакомимся с Женей в одиннадцатом часу. Ваша внучка приехала «разобраться» с моим дядей из-за того, что застряла у вас тут на машине.

– А при чем тут ваш дядя?

– Меня зовут Артем, – сказал он запоздало. – Мой дядя – глава местной администрации.

– Так это ваш дядя? – заинтересованно сказала Евгения Анатольевна. – У меня к нему тоже есть кое-какие вопросы. А дороги-то у нас практически никакой. Спасибо Коле Сапунову, помог Женечке, вытащил ее машину из грязи. Она забыла, как тут у нас после дождя, ведь всю ночь лил. Ну что, молодые люди, может быть, чаю? Тогда не поленитесь принести из колодца воды.

Артем поискал глазами ведра.

– Они на крыльце. Колодец – из калитки налево, в полукилометре отсюда, увидите.

– Артем, не пугайся. Он в три раза ближе, бабушка так шутит.

Самовар ловкие парни раскочегарили быстро. Из сарая принесли маленький стол и скамейки. Устроились в саду (кто же летом пьет чай в доме!). Женя успела переодеться. В широкой длинной юбке и в горошистой белой рубашке мужского покроя она выглядела опереточной крестьянкой.

– Артем и Сережа, – сказала она торжественно. – Это моя бабушка, Евгения Анатольевна Крекшина, в девичестве Иевлева, праправнучка героя Отечественной войны восьмьсот двенадцатого года.

Артем и Сережа неуклюже поднялись, боясь толкнуть стол с самоваром. Артем поклонился и бережно поцеловал Евгению Анатольевну руку. Женя с удовольствием наблюдала, как просто он держится.

– Женечка, мне очень приятно, что у нас в гостях такие галантные молодые люди.

Пахло яблоками, гудели пчелы, тонко пилили кузнечики, Артем смотрел на Женю, и самый обычный летний день казался ему необыкновенным.

– Артем, посмотри, какой у нас сад.

– Ваш сад прекрасен.

– А вот тот газончик у нас недавно, мы с бабушкой подстригаем его каждую неделю.

– И газон у вас замечательный, а ваши соловьи, воробьи и пчелы – лучшие в мире.

Сережа улыбался. В его телефоне зазвучал турецкий марш.

– Артем Алексеевич, я поеду. Евгения Анатольевна, спасибо Вам за чай и варенье, и Вам, Женя. Мне было у вас хорошо.

– А как же ты поедешь?

– За мной Игорь едет.

– Артем, а ты? – спросила Женя.

– Женечка, мне стыдно признаться... Вот что у вас тут на небе?

– Луна.

– Вот. Именно из-за нее мне и нельзя ехать. Я, в некотором роде, лунатик.

– И что?

– Меня в такое время категорически нельзя никуда отпускать.

– Да-а? А почему?

– Чтобы я не сделал чего-нибудь такого. Мало ли чего может отмочить лунатик.

– Хорошо, Артем, я за тобой присмотрю, а ты старайся вести себя прилично. Может, пройдемся по деревне? Тут недалеко есть место, откуда видна речка, почти левитановский пейзаж.

Тропинка между старыми домами, крытыми серебряной щепой, вывела их на край покатого холма.

– Видишь? Артем, смотри вон туда.

– Туда не могу. Женя, ну какой пейзаж? Зачем смотреть туда, если ты здесь?

– Артем, я с детства не люблю, когда меня разглядывают.

– А я тебя и не разглядываю. Я тобой люблюсь.

– А ты разве не женат?

– Женат, у меня есть дочь Грунька, ей четыре года, и она знает песню...

– Одну?

– По-моему, да. «Среди долины ровныя». Поет как и положено – басом.

– Ты шутишь?

– Ты услышишь.

– Вряд ли.

– Все к тому идет, Женечка. Ты с ней споешься.

– Но я не пою басом.

– Женечка, посмотри на меня.

– Гляжу и вижу приятного на первый взгляд молодого человека, морочащего мне голову.

– А на второй?

– И на второй. Сам напросился, – извинительно сказала Женя. – Между прочим, я почти замужем.

– Как это – почти?

– Так. Я не совсем уверена в том, что мне это нужно.

– Растолкуй, не понимаю.

– Да чего тут понимать. Мой муж – папик.

– Кто?

– Папик – старый, богатый, иностранный муж.

– Ну и что? Ты ведь не совсем уверена в том, что это тебе нужно, и потом: моего отношения к тебе этот прискорбный факт не меняет.

– И со мной происходит что-то несуразное, – сказала Женя. Показала глазами на луну:

– Потому что она и на меня действует... Мне хочется плакать, каяться, просить у бога прощенья.

– За что?

– Меня всю трясет, я хочу тебя с того момента, когда мы сели на заднее сиденье. Вот, думай обо мне что хочешь.

Артем поцеловал ее закрытые глаза.

– Родная моя. Милая моя, когда я первый раз полетел на парплане, я ощущал себя ангелом. Это ни с чем не сравнимо. Когда ты рядом со мной, мне кажется, что я лечу и ты говоришь мне о чем-то совсем уж невероятном. Женя, ты плачешь?

– Да. Мне очень стыдно. Я банальнейшая дура...

Евгения Анатольевна, закрыв книжку Улицкой, посмотрела на фарфоровые (под гжель) часы, висевшие на стене, и прикинула, сколько надо прибавить к тому времени, которое они показывают, чтобы получилась полночь. Заглянула на кухню. Кухонные показывали одиннадцать. Елена Анатольевна вопросительно пожалала плечами.

– А вот и мы, – сказала внучка, пропуская вперед Артема. – Бабуль, ты веришь в любовь с первого взгляда?

– Конечно, а как же иначе.

– Именно так и объяснил свое отношение ко мне этот человек. И я его не стала в этом переубеждать.

– Мне, Женя, всегда нравилась твоя самостоятельность, но ты, надеюсь, поинтересовалась у Артема из вежливости, есть ли у него семья?

– Нет, он сам сказал, что у него есть жена и дочка Груня, которая поет басом.

– Вон как, – сказала Евгения Анатольевна и посмотрела в окно на красную полосу заката.

– Пойду, пожалуй, спать, – сказала она устало. – Знаете, в детстве я очень боялась конца света. «За грехи наши, – говорила мне няня, – Господь накажет нас концом света. Все живое помрет, а небо будет красным от последнего заката...» И каждый вечер, когда она укладывала меня спать, я ее спрашивала: «А завтра еще не конец света?» «Нет, не завтра. Перед концом мира Господь даст знак...»

– Бабуль, ты это к чему?

– Не знаю, закат, может быть...

Евгения Анатольевна ушла, а Женя потянула Артема за руку на чердак, где у слухового окошка ей с детства стелили «летнюю» постель – матрац, набитый сеном. Небо светилось.

– Артем, может, это передается по наследству? Я без тебя теперь жить не смогу. Так было с бабушкой. Она влюбилась в американца и три года была счастлива, она купалась в счастье...

– Это был твой дедушка?

– Да. Ему было пятьдесят лет, а бабушке двадцать два. Она была его переводчицей. Три. Три года счастья. Потом его отослали из Союза, у нее были какие-то серьезные проблемы, но никого больше она так и не полюбила.

– Она была, наверное, в молодости красивой.

– Еще какой. Я тебе покажу ее фотографию тех лет.

– Ты в бабушку такая?

– Какая?

– Красивая.

– Но ты же не об этом хотел спросить.

– Не об этом.

– Артем, ты о чем думаешь?

– Просто лежу, чувствую, как под рукой бьется твое сердце, и пытаюсь вспомнить твое лицо.

– Артем, ты меня считаешь легкомысленной, но моя голова идет кругом, я не знаю, как я переживу эту ночь. Мое желание тебя меня пугает.

Утром приехал Сережа. Ему неловко было смотреть на смущенную Женю и счастливого Артема.

– Женя, позвони мне.

– Позвоню.

– Евгения Анатольевна, извините, если что не так.

– Всего хорошего, молодые люди, – сказала та сухо.

Прошло недели полторы. По важным для своего бизнеса делам Артем отъезжал в ближнее зарубежье. Звонков от Жени не было. Отношения с женой поменялись с предупредительно вежливых на настороженно грустные. Трещина, появившаяся в них после того, как Артем признался жене, что в его жизни появилась другая женщина, стала с каждым днем увеличиваться. Артем ждал Жениного звонка, ему уже стало мерещиться, что с ней произошла серьезная неприятность, вроде разговора с мужем, поставившим ей какие-то непреодолимые для нее условия, или еще какой-нибудь заморочки. Самой ужасной мысли – что Женя по здравому рассуждению не хочет продолжения каких-либо с ним отношений – он не допускал.

– Артем, тебе не кажется, что нам надо поговорить? – неожиданно спросила жена.

– Да, разговора нам не избежать, – сказал Артем.

– Ты же уже все решил. Зная твою порядочность, надеюсь, что свою дочь ты не забудешь. Если ты заметил, Грунька в тебе души не чает. Артем, мы ведь с тобой эти шесть лет не так уж плохо прожили, я любила тебя как умела, не знаю, кого больше – Груньку или тебя. Старалась быть хорошей женой. Может, я что-то делала не так, прости.

Артем сел рядом с женой, повернул ее лицо к себе.

– Светка, я знаю, что сейчас творится в твоей душе, и чувствую себя отвратительно. Я виноват перед тобой, но я ничего с собой не могу поделать, я пропадаю. Прости, зла на меня не держи. Насчет Груньки не переживай, я ее не оставлю.

– Артем, мне не так уж тяжело, как ты думаешь, я к этому готова была давно. Ты же сам мне признался, что сделал что-то не то, еще тогда, в день свадьбы. Скажи честно, ведь ты ни дня меня не любил? Артем, ну не плачь, хуже будет, если ты начнешь оправдываться, расстанемся по-честному, может быть, когда-нибудь станем друзьями.

Артем поцеловал ее. Поцелуй получился горьким.

– Артем, я тебя люблю, ты знай.

На следующий день Артем переехал в гостиницу ждать звонка от Жени. Потом позвонила Евгения Анатольевна.

– Артем, крепитесь. Женечки больше нет. Автомобильная катастрофа, два дня назад. И через минуту, и через час, и через неделю абонент был недоступен...

Идея красоты

Работающий над созданием биороботов ученый после очередной неудачи решил расслабиться. В прихожей он надел кепку и пошел к своему другу-художнику. Тот, не сильно удивившись его приходу, сказал: «А я как раз собирался „горло прополоскать“. Ты будешь? Тогда пошли на кухню». Они были рады друг другу.

– Как живешь, «доктор Фауст», все еще создателю завидуешь?

– Нет, – сказал ученый, – понимаю, как нелегко дались ему человеки. Давай лучше о тебе.

Они вернулись в мастерскую, взяв с собой стаканы и вино. В тесной от картин и всякого сопутствующего живописцу хлама мастерской ученый чувствовал себя очень хорошо. Не разбираясь в живописи, он тем не менее останавливал свой взгляд на картинах, явно удавшихся его приятелю, и говорил: «Вот видишь...»

Эту «замысловатую» фразу художник понимал как одобрение, потому что ученый говорил так о картинах, которые художник и сам считал удачными. А может, хитрил его немногословный друг? Когда художник бывал в стесненных обстоятельствах, тот покупал у него за хорошие деньги какой-нибудь (всегда неплохой) этюд и говорил: «Не благодари; когда ты станешь знаменитым, я их выставлю на аукционе Сотбис и получу за них в сто раз больше».

После «полоскания горла» они впали в состояние, располагающее говорить друг другу приятные вещи. Художник с увлажнившимся взглядом сказал: «Ты знаешь, я тебе завидую. Ты занят реальным делом, ты вон искусственного человека, может быть, сделаешь. Пусть пока корявого, неразумного, но разумного даже богу создать не удалось». «Сейчас, один момент», – сказал художник. Он нажал на кнопку плеера и тяжеломерно поспешил в свое кресло, чтобы поразвалистее сесть и закрыть глаза. «Я его обожаю». Под тяжелыми веками старого мастера уже накапливались слезы, готовые в определенный момент «плача иудеев по разрушенному храму» выкатиться из глаз и по дряблым с малиновыми прожилками щекам добежать до уголков рта. Именно в такую минуту художник и произносил свое заклинание «Чтоб тебе в раю не пропасть, черт носатый», имея в виду композитора Верди. И слезы его лились, лились... В такие моменты ученый испытывал к своему другу нежность и готов был, если потребуется, отдать за него свою жизнь. Но, как и всегда, через секунду он ощущал, как в душе его, едва в ней помещаясь, шевелилась подлая неуверенность – отдал бы?

Поддавшись своему чувству, ученый поцеловал друга в седую голову, как бы прося у него прощения за несостоявшееся предательство. «Послушай, научиться тому, что делаешь ты, человеку без таланта можно?» – спросил он, внутренне озарившись появившейся неожиданно идеей.

– Если ты имеешь в виду элементарный рисунок, то легко. Но это же ничего не значит, сам понимаешь. Таких художников тысячи. Ими только заборы подпирать. Ты просто так спросил или хочешь узнать мое мнение о ком-то, у кого чешется стать художником?

– Да, о таком. Он немного странноват, но ты не обращай на это внимания. Приглядишься к нему...

Друзья не виделись около года.

– Помнишь, – позвонил ученый своему другу, – мы говорили с тобой о моем знакомце, мечтающем у тебя поучиться?

– Пусть приходит, я как раз начинаю «обнаженку».

На следующий день в девятом часу в дверях мастерской художник увидел бледнолицего молодого человека, на длинных рыжеватых волосах которого красовался манерно надетый берет терракотного цвета.

– Я к Вам по рекомендации Вашего друга.

– Да-да, проходите, мы как раз начинаем.

В мастерской было светло и прохладно. В центре возвышался подиум, накрытый по диагонали охристым ковром и подогреваемый старомодным рефлектором.

– Друзья мои, вот еще один наш коллега, придется немножко потесниться.

– Максим Немов, – сдержанно представился молодой человек. Два парня и девушка, подвинули свои мольберты, давая ему место. «Светочка, явись», – позвал художник. Из-за ширмы вышла статная, склонная к полноте красавица. Легко, без тени смущения, поднялась на подиум и застыла в выбранной художником позе. Левая рука ее опиралась на бедро, в правой она держала яблоко.

– Посмотрите, как она совершенна. Ваша задача – не огорчать Свету. Рисуйте так, чтобы она могла себя узнать. А я, Апраксин Ермолай Фотиевич, строгий, вредный, имейте это в виду, постараюсь научить вас видеть натуру и сознательно изображать ее на листе. Я буду подходить к вам. Карандаши берите ТМ, не мягче. Через каждые двадцать минут пятиминутный перерыв.

Зашуршали карандаши, заприщуривались глаза... Не прошло и часа, как новый ученик, буркнув что-то непонятное, с хрустом сорвал с планшета лист ватмана, потом приколот другой. Старый художник отнесся к этой выходке с пониманием.

– У Микеланджело на роспись Сикстинской капеллы (а это больше шестисот квадратных метров) ушло двадцать шесть месяцев. Если учесть, что он изобразил около сотни, если не больше, человеческих фигур в сложнейших композициях, совсем не трудно понять, что он был гениальным рисовальщиком.

Старый художник, сообщив об этом присутствующим, подошел к стеллажу и нашел там замученный от частого перелистывания альбом с репродукциями рисунков великого художника Возрождения.

– Посмотрите, передавайте друг другу. Наша задача попроще, нам надо за три недели нарисовать всего одну фигуру – Светину.

– Зачем? Кому это нужно? Сейчас другое время. Следует искать современную форму изображения идеи совершенства.

– Кто это сказал? – угрюмо поинтересовался художник. – Ах, это Вы, молодой человек, наш новый коллега. Так Вы предлагаете нам изображать не красоту, а лишь идею красоты? Интересно, а как нам быть со Светой? Она ведь не идея, она и есть красота.

– Да как Вы не поймете, изображение конкретного человека не может выразить саму красоту. Нужно искать символ, формулу, знак. Я это понимаю и пытаюсь его придумать. Но у меня ничего не получается, н и ч е г о...

Новичок отодвинулся от мольберта, страдальчески посмотрел на Свету и, свалившись со стула, судорожно дернулся и задымился...

– Друзья мои, не пугайтесь, дымящийся на полу коллега – не человек. Он биоробот. Его создал мой друг, он наделил его умом, очевидно, считая, что этого достаточно, чтобы постичь красоту. Как видим, одного ума оказалось мало. Красота непостижима... А знаете, господа претенденты на звание художника, не выпить ли нам шампанского? Буквально на ваших глазах произошли два грандиозных события. Первое – вы подвинулись со своими мольбертами, чтобы дать неодушевленному предмету, искусственному человеку, попытку изобразить женщину, познать, так сказать, живую красоту. Но как вы заметили, у него ничего не получилось. Не хватило малости – души. Выводы делайте сами. Но главное, мой друг уподобил себя богу. Изготовил искусственного человека, будущего помощника человеку одушевленному. Такие помощники могли бы, например, работать чиновниками. Они не стали бы воровать, это им ни к чему, и наше Отечество, глядишь, превратилось бы в государство, где главной национальной идеей стала бы идея познания красоты. Может, и вправду красота спасет мир.

Художник поднял бокал: «За моего друга!»

Планетка Земля

В тех местах, где лет с полтысячи как назад образовалась деревня, всегда было просторно, глазам открывались бесконечные, безоглядно манящие дали, захватывало дух и ныло сердце, и хотелось лететь, но летать – удел ангелов...

За все эти долгие годы никто из деревенских так и не взлетел, не улетел, как в буквальном, так и в переносном смысле этого слова, да теперь уж и осталось-то их десятка полтора, совсем старых или изношенных алкоголем. Головы их заполнены простенькой идеей взаимосвязи их сонно-идиотического прозябания с проблемами государства и кознями американцев, постоянно мешающих процветанию России. Сердца их глухи, и их не согревает ожидание случайного везения, когда жизнь в одночасье поменяется к лучшему или какая-нибудь нечаянная радость даст им повод выпить не просто тупо и обязательно, а со смыслом. Иногда они выходят из состояния анабиоза, но, осознав, что ничего хорошего для них все еще не произошло, стараются опять как-нибудь в него вернуться...

Но в один из летних дней около повалившегося колодца остановился крутой внедорожник и из него выпрыгнула загорелая девчонка в дорогах псевдообносках. Она потянулась, осмотрелась по сторонам и, завороченная открывающимися на все стороны далями, сказала:

– Ничего себе!

– Мзва ра Воплетан оэс жес. Пык лойца мдем. Просто невероятно, – сказал некто, неуклюже выбравшись из машины и подойдя на четвереньках к девушке.

– Какой ты, Паша, все-таки гад, знаешь ведь, как меня раздражает твой «родной» язык. Ну я тебя прошу, ты ведь хорошо говоришь по-человечески. Вот что ты сказал?

– Я сказал, что мне эти пустые места напоминают долину кислотного озера на обитаемом спутнике планеты Воплетан, населенного гигантскими разумными пиявками, к счастью для них, несъедобными.

– Да уж, – сказала девушка. – В некоторых случаях слопать какого-нибудь умника бывает непросто. Ты его уже ешь, а он цитирует тебе закон из межгалактического морального кодекса о том, что употребление в пищу разумных существ, а также себе подобных, недопустимо. И перестань уже ходить на четвереньках.

Паша поднял на нее свои выразительные глаза (все шесть).

– Ко мне это не относится, я из матричной серии GYL W. Я себе подобных не ем, конструктивно не предусмотрено.

– О Господи, я все не привыкну к тому, что у тебя их шесть, – сказала девушка, рассматривая в Пашиных глазах отражение пролетающего аиста.

– А как же мы здесь будем с тобой сотрудничать? – ехидно поинтересовался он.

– Я буду гладить тебя по загривку и говорить, что ты несчастный мутант, жертва наркомании. Тебя будут побаиваться и жалеть.

– Скажи же, наконец, что мы тут делаем, что у нас за миссия? Надеюсь, мы не готовим для этой хорошенькой планеты какого-нибудь мерзкого сюрприза, как для планеты Льдонн, куда мы доставили быстрорастущий лишайник, изменивший на ней атмосферу, в результате чего погибло все (и лишайник тоже)?

– Когда это было, вспомнил. И потом, ты же знаешь, что ее прежняя атмосфера нас не устраивала, как и ее мерзкие обитатели, стонogie медузы, приспособившиеся жить на суше. Лишайник изменил состав атмосферы, и его роль на этом закончилась.

К джипу довольно шустро подобралась старуха, всем своим видом показывающая желание разобраться с приезжими немедленно и по понятиям.

– Вы к кому-нибудь или просто так, проезжие? А может быть, вы...

Она прервала свои вопросы, увидев стоящего на четвереньках Пашу: «Батюшки мои, это кто же будет? Он не кусается? Что за порода? Не дешевый, поди?»

Паша стоял, опустив голову, и старуха не видела его глаз.

– Туда, куда вы смотрите, смотреть запрещено, там военная база для хранения ракет и спутников, – сказала вдруг старуха. – Сама-то я их не видела, с ногами беда; а вот Витька, мой сосед, под проволоку подлез и все там увидел. Он сказал.

– За нашу безопасность и существование можно не опасаться, если что, мы ответим им адекватно.

– А то мы все же сомневались, может, обманывают, когда говорят.

– О войне не думайте, войны не будет. Вот когда Витька своими глазами все увидел, спим спокойно.

Послушав рассудительную старуху, Паша поднял голову. Глаза его излучали дружелюбие. Старуха, пукнув от удивления, на всякий случай перекрестилась.

– Не бойтесь, – сказала девчонка. – Это Паша – несчастный мутант, жертва наркомании.

– Какой мутант? Урод, что ли? – старуха глядела на Пашу с жалостью.

– Вы можете его о чем-нибудь спросить, он умеет разговаривать и даже понимает.

– Да нет уж, бог с ним. – Старуха повернулась, оглянувшись еще раз, посмотрела на Пашу и пошла, крестясь и что-то бормоча.

– Мне кажется, Пашенька, у нас все получится. Они уже близки к «счастью».

– Ты имеешь в виду здешних или во всепланетном масштабе? – Паша сделал округлый жест, напоминая девчонке о серьезности предстоящих усилий.

– Начнем с этих, мы примем их за единицу измерения наших успехов. Как деревня-то называется? Пупок? Стало быть, единицу тоже назовем «пупком».

– Невыразительно на слух.

Лицо шестиглазого Паши заметно позеленело, что означало высшую степень смелости его поведения. Его поступок для роботов его серии был более чем странен. Такие роботы не способны на эмоциональность и уж тем более на оценку решений биороботов серии «Идеальное подобие».

– Итак, Паша, сегодня мы поближе познакомимся с местным населением. Это поможет выработке поведенческих моделей общения с обитателями планеты Земля, зарезервированной для переселения жителей планеты Твау из-за ее перенаселенности. Нам с тобой предстоит, оценив умственные способности жителей относительно небольшого города, такого, как Тверь, определить соотношение умных его жителей к тем, кто хотел бы быть «счастливым». Если окажется, что «счастливыми» хотят стать половина из обследованных, это будет знаком того, что обитателям планеты Земля придется потесниться и быть готовыми встречать гостей с планеты Твау. Если же умных будет больше половины, то с переселением жителей Твау на Землю пришлось бы повременить во избежание военного столкновения, недопустимого по межгалактическим законам.

– Послушай, я ведь как-то должен при людях тебя называть, не «организмом же серии 03 „Идеальное подобие“»?

– Молодец, соображаешь. Ты Паша, а я буду Даша, ничего?

– Нормалек, – сказал Паша.

– Соберись, коллега, пришло сообщение, в Твери закончен опрос его жителей. Больше половины его обитателей хотели бы быть «счастливыми», и, следовательно, наша работа началась. На жителях Твери и Тверского края будут отработаны способы воздействия на их сознание и приведения его к мысли, что жить так, как сейчас, уже нельзя. Все, Паша, забирайся в машину, едем к Козырихе.

– К кому?

– К Козыревой Анастасии Ниловне. К старухе, которую ты испугал. Паша, на этом месте в прошлом году лежал огромный валун, ты помнишь?

– Помню, я тогда по привычке посчитал его массу. Он весил без малого триста тонн.

– И как ты думаешь, куда он делся?

– Что тут думать, лежит внизу, и я даже догадываюсь, кто его туда сдвинул, только не знаю, зачем?

– Пашенька, новая жизнь начинается с какого-нибудь потрясения. Нашей с тобой задачей в прошлом году было повернуть головы здешних обитателей к счастью. Им нужен был знак перемен. Такая глыба сама по себе не свалится. Произошло «чудо», надеюсь, так они и считают. Поверь, скоро на месте этого оползня будет построена часовня, в честь обретения здесь иконы какого-нибудь святого. Посмотри, Паша, вниз, туда, где он лежит, что там?

– Там появился источник.

– Прекрасно, церковь назовет его святым, а насчет того, как валун туда свалился... Как ты догадался, «силы небесные» помогли. Паша, ты куда?

– Я спушусь ненадолго к камню...

Осмотрев громадный валун со всех сторон, Паша выбрал на нем более-менее плоское место и косточкой согнутого указательного пальца глубоко нацарапал на граните: «Пупок. 2011» и рядом изобразил себя, нелепого и шестиглазого.

Дом Ниловны, умирающий естественной смертью, подался и наклонился вперед, как бы высовываясь из ряда, чтобы увидеть, кто из уцелевших его собратьев все еще ничего себе. Но увы, недавно державшие поредевший строй, они напоминали теперь ветеранов, еще пытающихся сохранить видимость интереса к жизни. Козырева, тяжело поднявшись с неубранной несвежей постели, сощурился, посмотрела на Дашу.

– Ты в прошлом году была. Камень-то большой помнишь? Так вниз свалился, не видала? – Козырева хитро улыбнулась. – К чему это? Не скажешь? Девка ты, видно, не простая, что думаешь-то? А что ж ты без Паши? Он тоже, видать, какой-то не такой.

Голос Козыревой погустел, в нем появилась злобная интонация.

– Может, ты ведьма? Ноги-то мои вылечила, хожу смело, спасибо тебе, но ты не простая, ох, не простая.

– Анастасия Ниловна, я рада, что Вашим ногам стало полегче. Камень свалился, мне кажется, к счастью, уж поверьте. А как Ваш сосед Витька?

– В Москву поехал. Ты со своим Пашей показалась ему подозрительной. Заявит он на вас. Он принципиальный.

– Ну ладно, пойду я, всего хорошего, не болейте.

– Как там претендентка на счастье? – спросил Паша, ожидавший ее за калиткой.

– Все будет как надо, но, похоже, она что-то чувствует, ей, конечно, и в голову не приходит, кто мы, но тем не менее она считает меня ведьмой. В каком-то смысле она права.

– За кого же она держит меня?

– Ты для нее то, чего на свете быть не может. Она тебя побаивается и ждет каких-нибудь от тебя неприятностей. У нас, Паша, проблема. Все идет не совсем так, как хотелось бы, я надеялась на церковь, думала, она обратит внимание на наши с тобой «шалости», а она «чуда», которое мы ей преподнесли на блюдечке, не заметила. Может быть, здешние события до нее еще не дошли? У меня появилась идея использовать в качестве нашего агента соседа Козыревой, придурка Витю. Слишком принципиальные на все ведутся. Между прочим, он подался в Москву, в соответствующие органы – попросить присмотреть за нами. Ничего, сделаем его провозвестником грядущего «счастья». Сегодня же он возомнит себя избранным, на которого сошла божья благодать. Он будет делать все, что мы ему внушим.

Забравшись на заднее сиденье и устроившись поудобней, Паша глубоко задумался, ему показалось, что в его кибернетическом сознании что-то произошло, что-то такое, чему он

не хотел верить. Ему вдруг стали симпатичны местные идиоты. Он радовался за них: «Им станет лучше, чем сейчас. Их „счастье“ совсем близко». Но его тревожило одно обстоятельство. Он стал замечать за собой склонность к самоанализу. Такие роботы, как он, создавались помощниками роботам серии «Идеальное подобие» для изучения причин алогичных поступков разумных существ на планете Земля. Межгалактическое содружество, обеспокоенное неспособностью большинства правящих на Земле элит решать межгосударственные конфликты без помощи оружия, тем более ядерного, уже предпринимало несколько деликатных попыток повлиять на образ их мыслей, но увы. Симптом более чем тревожный. Человечество, достигшее в процессе цивилизации уровня Z, предполагающего невозможность самоуничтожения, продолжает считать, что именно ядерное оружие гарантирует благополучное сосуществование на Земле бесчисленного количества племен.

– У них незрелый ум, – сказал Паша.

– Не бери в голову, тебе это вредно, твой комп может переключиться, и тогда...

– Что тогда?

– Какой ты тогда мне помощник.

– Ладно, – пообещал Паша.

– Что это?

– Паша, ты о чем?

– Что они несут?

– Гроб с мертвым человеком. Они несут его на кладбище, место, где его закопают.

– Почему? Разве он ни на что уже негоден?

– «Ни на что»?

– Поэтому они его закопают?

– Люди так не говорят. Они их хоронят, прячут до страшного суда.

– До страшного? А что такое страшный суд?

– Паша, люди в большинстве своем все еще религиозны. Они надеются на бессмертие души, на конечную справедливость в день страшного суда. К сожалению, их существование все еще весьма примитивно. Ну сам посуди. Наш автомобиль, на котором мы с тобой ездим – пожалуй, лучшее из того, что они умеют делать, вещь нелепая. На его изготовление потрачено много металла и энергии, но для того, чтобы он переместил нас с тобой даже на небольшое расстояние, ему нужна дорога. Разве не глупо? Вот ты, Паша, робот-анализатор, побывавший в других мирах, ты заметил, как осторожно жители этих миров вторгаются в природу? На их планетах нет территорий, занятых заводами, железными дорогами, аэропортами, безобразно огромными городами, космодромами и кладбищами.

– Да, их поступки нелогичны, но все-таки что такое страшный суд?

– По их религиозным представлениям, настанет день, когда все жившие на земле воскреснут и явятся на суд, где справедливый бог безгрешных отправит в рай для вечного блаженства, остальных в ад на вечные муки. Срок страшного суда неизвестен, вот поэтому люди своих покойников и хоронят, на всякий случай.

– Какая чушь, – сказал Паша.

– Да, поступки их бывают необъяснимы. К сожалению, уютная планетка Земля, может быть, самая прекрасная из всех планет, на которых я была, обречена. Ее погубит человеческая глупость. Люди не успеют осознать, что самый страшный их грех – нежелание умирать. Выкачивание из ее недр нефти и газа тому подтверждение.

– Неужели нас так много?

Даша окинула взглядом московский стадион «Динамо». «Любителей рок-музыки» был полный стадион. Паша пришел в огромных очках, скрывающих его шестиглазие, и каком-то

сером балахоне, отдаленно напоминающим «пыльники» пятидесятих годов прошлого века. По человеческим меркам, он был невелик и нахально похож на Путина.

– Паша, ты уж так не шалил бы.

– Ну тут все свои, где же еще и пошалить.

Среди рок-музыкантов что-то произошло. На стадионе стало совсем тихо. На эстраде с банджо в руках появился беловолосый, как Уорхол, субтильного вида музыкант. По стадиону волной прокатился гул приветствия. Свесив волосы к банджо, он едва слышно воспроизвел какую-то музыкальную фразу, и снова по стадиону пробежал рокот восторга. Рок-музыканты поддержали мелодию.

– Да что происходит? Паша, ты что-нибудь понимаешь?

– Понимаю, но не понимаю, почему ты этого не понимаешь.

– Паша, я тебя убью. Меня твои игры со словами достали, скажи наконец, что это за гусь с банджо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.